
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ТЕЛЕСНОСТЬ: ОТ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ К ТЕОРИИ ВОПЛОЩЕННОГО СОЗНАНИЯ

Ветров Владимир Андреевич

редактор Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия

e-mail: Vetrov21v10@gmail.com

***Аннотация.** Модификация человеческого тела – явление, обнаруживаемое на всех этапах человеческой истории, однако именно сейчас ввиду все более ускоряющегося технического развития телесность человека может быть необратимо изменена. В данной работе анализируется влияние новых технологий на феномен телесности, проводится связь между постгуманистическими воззрениями и концепцией воплощенного сознания. Автор обращается к ряду произведений научной фантастики, формирующих актуальный и репрезентативный нарратив по заданной проблематике. Телесность рассматривается с позиций феноменологического подхода, формулируется тезис о важности взгляда на человеческое тело как на фактор построения идентичности и субъектности. «Обесчеловечивание» в результате модификации тела представляется, по мнению автора, маловероятным, так как все улучшающие технологии остаются антропоцентричными, являясь продолжением и результатом многовекового взаимодействия человека (его тела) и технических устройств.*

***Ключевые слова:** модификация человеческого тела; телесность; воплощенное сознание; научная фантастика; постгуманизм.*

***Для цитирования:** Ветров В.А. Трансформация взглядов на человеческую телесность: от научной фантастики к теории воплощенного сознания // Социальные новации и социальные науки. – 2022. – № 4. – С. 40–51.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2022.04.03

Рукопись поступила 10.10.2022

Принято в печать: 20.10.2022

Введение

Сегодня начинают сбываться мечты футурологов – в человеческое тело активно проникают или внедряются различные технические устройства. Совсем недалекой представляется ситуация, при которой человек посредством биотехнологий будет способен улучшить и изменить себя. Когда-то такая перспектива вызывала страх как у обывателей, так и у мыслителей, который отражен в научной фантастике, точнее, в свойственной ей концепции киборгов с их сверхъестественной природой, изменчивостью и гибридность. Хотя замена частей тела человека искусственными конструкциями давно практикуется в медицине и доказала свою эффективность. Самым очевидным примером такой модификации является протезирование. Нельзя не отметить и важность в современной биомедицине операций по вживлению различных имплантатов: начиная от пломб в стоматологии и заканчивая распространенными ныне кардиостимуляторами, кохлеарными имплантатами (приборами для улучшения слуха), а также искусственными сердцем и почками (отметим, что работа над полной заменой последних техническими аналогами продолжаются). Отношение людей также меняется: такие случаи больше не оцениваются как неестественные или исключительные, возникает осознание возможности постчеловеческих (т.е. кардинально меняющих физиологию и взаимодействие с миром) изменений и модификаций. Вопросом времени становится готовность технологий по улучшению тех или иных свойств человеческого тела к массовому внедрению – это «киборгизированное» будущее больше не является фантазией. В связи с этим возникает вопрос: как меняется телесность человека и концепция субъектности в условиях новых технологий и новой реальности?

С точки зрения постгуманизма, современные технологии и исследования, особенно информационные, бионические, в областях искусственного интеллекта, биомедицинской инженерии (в частности нейроинженерии), превращают человека в киборга, в теле которого сочетаются органические и неорганические вещества.

Теории искусственного разума и искусственной жизни рассматривают перспективу замены биологического тела человека другим субстратом и появления кибернетических организмов [Степин, 2011]. Предпосылкой для таких выводов служит гипотеза, по которой ограничения возможности возникновения разума на любой, в том числе и на небиологической, основе отсутствуют. Полное исчезновение человеческого тела из реальности также вероятно за счет переписывания че-

ловеческой памяти на некий чип, который можно поместить в предмет любой природы, даже в тело другого человека (что ведет к конфликту идентичностей¹).

В контексте быстро развивающихся технологий крайне важным становится определение и восприятие тела как фактора конструирования идентичности современного человека [Алиева, Некрасова, 2013]. С одной стороны, тело выступает объектом приложения высоких медицинских технологий, предлагающих различные возможности его преобразования и даже создания. С другой – человека давно представляют как существо, «бытие которого определено его особой телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела» и созданный человеческой деятельностью предметный мир, или его «неорганическое тело» [цит. по: Степин, 2013, с. 51].

При оценке перспектив модификации человека весьма полезным является обращение к произведениям футурологов и научных фантастов. Донна Харауэй в своем известном «Манифесте киборга» (1985) говорит, что «граница между научной фантастикой и социальной реальностью – оптическая иллюзия» [Haraway, 1991]. Это утверждение олицетворяет тесную взаимосвязь между художественными произведениями и постгуманистическими воззрениями, представляя собой переплетенные дискурсы, задающие сходные вопросы о том, что значит быть человеком и должно ли человеческое быть пределом наших этических обязательств [Vint, 2016]. Примеры постчеловека в научной фантастике варьируются от восторженного принятия расширенного за пределы человеческой формы воплощения и размышлений о том, каким можем быть мир после антропоцентрических ценностей гуманизма, до пугающих изображений того, как технократические политики (использующие генетическую модификацию, биологическое многофакторное картирование, нейротехнологии, высокотехнологичное протезирование и т.д.) коренным образом меняют человечество.

Научная фантастика в осмыслении постчеловеческой телесности

Рози Брайдотти, современный философ и теоретик феминизма, определяет постчеловеческую телесность как «предположение о жизненной, самоорганизующейся и в то же время ненатуралистической структуре самой живой материи», а также как точку зрения, которая может стать отправной в равной степени для «экспериментальных игр с границами совершенствуемого» тела, «моральной паники по поводу разрушения многовековой веры в человеческую “природу”» или для «эксплуататорской и корыстной погони за генетическим и нейронным капиталом» [Braidotti, 2013]. Различные направления научной фантастики рассматривают все эти сценарии и моделиру-

¹ Подобный сценарий разыгрывается с персонажем оригинального киберпанк-сеттинга (а именно в «Cyberpunk 2077» – одном из произведений научно-фантастического жанра, где рассматривается изменение человеческой культуры на фоне прогресса информационных и кибернетических технологий в упадочном олигархическом обществе) – Робертом Джоном Линдером, или Джонни Сильверхендом.

ют социальную политику – от радикальной левой до ультраконсервативной правой. Например, писатель-фантаст Октавия Батлер (Octavia Butler) создает миры, ставящие перед нами трудную, но необходимую задачу выхода за пределы однородности и антропоцентризма (в частности трилогия «Ксеногенез», английское название – *Xenogenesis trilogy*).

Исследователи называют sci-fi произведения «своего рода осознанием, которое формирует и проверяет переживания», выступающие в качестве компонентов этих произведений [Csicsery-Ronay, 2012]. Связи между постгуманистической теорией и научной фантастикой наиболее очевидны в поджанре киберпанка, описывающем слияние человека и машины. Скотт Букатман¹ определяет подобную установку как своего рода «конечную идентичность», возникающую вместе с цифровым постмодернистским субъектом [Bukatman, 1993], в то время как Томас Фостер² утверждает, что такие вымыслы являются народной формой постгуманистической теории [Foster, 2005].

Киберпанк-фантастика таких авторов, как Уильям Гибсон (William Ford Gibson) и Брюс Стерлинг (Michael Bruce Sterling), изображают будущее, где происходит раскол между технологически ориентированными и биологическими постлюдьми. Произведения писателей-фантастов – австралийца Грега Игана (Greg Egan)³ и американки Пэт Кэдиган (Pat Cadigan)⁴ – сыграли решающую роль в формировании культурного воображаемого, наполняющего постгуманизм. Ключевым же автором является Вернор Виндж (Vernor Steffen Vinge), чья «Грядущая технологическая сингулярность» (1993) вдохновила как поджанр, так и целую субкультуру.

Акцентируют риски и перспективы генетической модификации человека такие авторы, как Нэнси Кресс (Nancy Kress)⁵, Аластер Рейнольдс (Alastair Preston Reynolds) и Джоан Слончевски (Joan Lyn Slonczewski), они ярко описывают социальные последствия появления постчеловека. Значительная часть научной фантастики также фокусируется на том, как постчеловеческая культура связана с капиталистической технократической культурой, что наиболее провокационно демонстрируется в работах Чарльза Стросса (Charles Stross)⁶ и Кори Доктороу (Cory Doctorow)⁷.

Помимо очевидных связей с технологическим постгуманизмом научная фантастика уже давно изображает субъектность за пределами человеческого и системы ценностей, отличные от гума-

¹ Теоретик культуры, профессор кино и медиаисследований Стэнфордского университета США. – *Прим. ред.*

² Профессор литературы Мичиганского университета США. – *Прим. ред.*

³ В частности, «Город перестановок» (1994), англ. название – *Permutation City*; «Аксиоматик» (1995), англ. название – *Axiomatic*; «Лестница Шильды» (2001), англ. название – *Schild's Ladder*. – *Прим. ред.*

⁴ В частности, *Fools* (1991), на русский язык не переведено; «Искусники» (1991), англ. название – *Synners* (1991); «Девушка, которая вышла за суси», другой вариант перевода – «Рыбеха-дуреха, подавшаяся в суши» (2012), англ. название – *The Girl-Thing Who Went Out For Sushi*. – *Прим. ред.*

⁵ Например, книга *Nothing Human* (2003) и цикл *Yesterday's Kin* (2014–2018), не переведены на русский язык. – *Прим. ред.*

⁶ Например, «Аччелерандо», англ. название – *Accelerando* (2005) и *Neptune's Brood* (2013) не переведены на русский язык.

⁷ В частности, *Pirate Cinema* (2012), не переведена на русский язык.

нистических, а также распространение свободы действий и этики на нечеловеческих акторов [Graham, 2002]. Есть множество примеров sci-fi с главными героями – животными, чьи интеллектуальные возможности и, соответственно, сознание либо выросли, или сконструировались благодаря технологиям, либо были признаны неантропоцентрической культурой¹. В таком же контексте можно прочитать работу «Арамис, или Любовь к технологиям»² (1993) французского социолога и философа Бруно Латура – как своего рода постчеловеческую научную фантастику.

«Призрак в доспехах» или субъектность, определяемая телесностью

В качестве тематического исследования по рассматриваемой проблеме весьма оригинален и репрезентативен японский полнометражный аниме-фильм 1995 г. «Ghost in the shell» («Призрак в доспехах»). Фильм обращается к сложному переплетению феноменов воплощения, восприятия и симуляции. В этом переплетении и возникает проблема идентичности. В сюжете фильма кибернетизация стала широко распространенной и общепринятой практикой, модификация тела варьируется от базовых протезов до высокоточных и сложнейших нейроимплантов.

Примечательна сцена, в которой модифицированные люди употребляют специальную еду для киборгов. Искусственные сэндвичи с нулевой энергетической ценностью имеют единственное назначение – скрыть странный для обычного человека факт отсутствия в теле киборга какой-либо пищеварительной функции. Выполнение же, казалось бы, бесполезного акта приема пищи позволяет киборгам оставаться связанными с биологическим опытом бытия «человеком». Данная сцена поднимает интересную проблему: нуждается ли постчеловек, или синтетический гуманоид в переживании «человеческого» чувственного, в том числе и телесного, опыта? Какое значение подобный опыт имеет для идентичности человека?

В последние десятилетия в качестве инструмента междисциплинарных исследований развивается теория воплощенного сознания (*embodied cognition*), изначально зародившаяся в психологии. Данная теория обладает большим объяснительным потенциалом в проблемном поле феномена телесности и модификации человека. Она утверждает, что когнитивные процессы глубоко укоренены в сенсорных функциях тела и в его взаимодействии с миром. В философии такая позиция развивается в феноменологическом подходе. Например, немецкий философ Эдмунд Гуссерль говорил о воплощении с эпистемологической точки зрения и пришел к выводу, что живое воплощение – не только средство практического действия, но и существенная часть глубинной структуры человеческого знания. Можно сказать, что воплощение как материальное, так и духовное, закладывает основу нашей субъектности и, следовательно, нашей идентичности. Но с

¹ В качестве отсылки к данной теме из поп-культуры упоминаются два стража галактики из одноименного блокбастера киновселенной *Marvel*: Ракета и Грут.

² Англ. перевод книги: Latour B. *Aramis, or the love of technology*. – Cambridge (MA) : Harvard university press, 1996.

распространением развоплощения и симуляции в «киберэру» сама эта идентичность становится неопределенной.

Подобные рассуждения возвращают к еще одному сюжетному моменту из «Призрака в доспехах». В мире анимационного произведения память может быть полностью сконструирована и заменена. Это можно сделать, взломав кибермозг и имплантировав смоделированные воспоминания, которые составляют фоновую историю жизни. Вспоминаемые события никогда не происходили на самом деле, однако вызванные эмоции, несомненно, реальны. И даже если кто-то обнаружит фальшивость своей памяти, то практически не сможет избавиться от ментально-эмоциональной ее стороны.

Прошлое, опыт и память составляют индивидуальность человека. Но если их можно искусственно сфабриковать, то где грань между реальным и нереальным? Ни «фальшивые воспоминания», ни «текущие эмоции» не могут служить критерием истинности. И за этим скрывается проблема: не может ли такое измененное самовосприятие, самосознание уже считаться полностью виртуальной реальностью?

В «Призраке в доспехах» решение подразумевается в названии: человеческая идентичность тесно связана с сознанием. Эта ментальная сущность метафорически именуется «призраком», который считается истинным источником индивидуальности и личности. Тело – это всего лишь оболочка. С таким строгим дуализмом на самом деле не имеет значения, насколько сильной модификации подвергается тело человека и является ли его опыт реальным или смоделированным. Строгий критерий для определения того, что считается реальным или «субъектным», – это мысленный призрак.

Вся история «Призрака в доспехах» развивается вокруг этой, казалось бы, интуитивной идеи идентичности. При этом киборги сталкиваются с большой проблемой – неконтролируемое создание новых «призраков» с незапланированным появлением сознания. Эта новая и неизвестная форма кибержизни воспринимается как угроза. Киборги обнаруживают это, когда встречаются с роботом, который, кажется, действует по доброй воле. Киборги думают, что кто-то внедрил сознание в этого робота и манипулировал им. Но, оказывается, робот не «кукла» – и никакого «кукловода» тоже нет. Сознание синтетической сущности является результатом самовозникающей искусственной жизни. И эта жизнь постепенно сменяет всю совокупность киберданных. Она может находиться в любом роботе или просто существовать в киберформе как чистое потенциальное сознание – хотя последнее обычно избегается, поскольку форма жизни стремится реализовать себя в реальном теле.

Стремление к воплощению разумного существа в конкретном теле и самовосприятие также являются одними из основных проблем фильма «Бегущий по лезвию» (1982) Ридли Скотта и его продолжения «Бегущий по лезвию 2049» (2017) Дени Вильнева и, соответственно, первоисточни-

ка этих кинолент – романа Филипа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах» (1968). Проблема идентичности синтетических существ в произведении Дени Вильнева решается довольно оригинальным способом: у человека и репликанта рождается ребенок с человеческой идентичностью. Главный же герой, являясь андроидом и выступая в качестве актора на протяжении своего существования, приобрел субъектность, утвердив себя как человеческая личность.

Конечно, можно задаться вопросом: если гипотетически сознание может возникнуть из ранее существовавших данных и опираться на эти данные как на свою идентичность, ничего не переживая лично, то как это переопределяет субъектность человеческой идентичности?

Для того чтобы связать эту проблему с вопросами философии техники, стоит отметить, что технологии и техника не существуют в вакууме даже в таких радикальных научно-фантастических сценариях, как «Призрак в доспехах». Они не могут изменить субъектность человека исключительно на «механистичной» основе. Скорее, они взаимодействуют со всеми факторами человеческого существования. Тем не менее кажется маловероятным, что беспокоящий воображение «галлюцинаторный мир» может быть или когда-либо был создан только с помощью техники.

В «Призраке в доспехах», равно как и в обеих частях «Бегущего по лезвию», есть возможность в разных контекстах проследить, что полное отделение субъективного – от тел или общества – является мифом. Даже самая независимая форма сознания в «Призраке в доспехах» – самовозникающая жизнь – активно искала воплощение и контакт с физической и социальной сферами. Ужасные сценарии киборгизации и постгуманистического будущего основаны на сомнительной предпосылке, что «субъектное» – это независимая сущность, которую можно выделить, атаковать, уничтожить или преобразовать в «децентрализованную субъектность». Вместо этого можно понимать его на основе отношений, связанных с воплощением, социальными взаимодействиями и взаимностью. Будущее не обязательно изменит «человеческий субъект» через его тело, но оно может изменить субъектность человека и, соответственно, его идентичность.

Дуализм телесности и техники в восприятии человека

Обращаясь к более «приземленным» вопросам модификации и киборгизации человека, стоит вспомнить эксперимент семи исследователей из Массачусетского технологического института. В 1996 г. они поставили перед собой задачу стать киборгами. С компьютерами в рюкзаках, клавиатурами в карманах и дисплеями, прикрепленными к очкам, они могли непрерывно быть подключены к Интернету. В то время как администрация факультета обосновывала ценность проекта с точки зрения аугментации (повышения организованности, производительности и памяти), сами исследователи стремились к изменению самовосприятия. Один объяснял свое отношение к технике так: «Я чувствую себя непобедимым, общительным, лучше подготовленным. Я голый без нее.

С ней я стал лучше». Исследователи также сообщали о новом опыте диффузии. Поскольку они одновременно населяли виртуальный и физический миры, «они могли быть с вами, но всегда были и где-то еще» [Turkle, 2019].

Ирония в том, что спустя четверть века с дилеммой нескольких эксцентричных исследователей столкнулись почти все пользователи современных электронных устройств. Граница между виртуальным и реальным миром оказывается все более размытой. В этой ситуации мы все являемся своего рода киборгами, поскольку всевозможные гаджеты становятся незаменимыми дополнениями наших тел, а доступ к Всемирной сети дает возможность создавать многочисленные версии наших виртуальных Я.

Вездесущие девайсы и безостановочное интернет-взаимодействие поднимают вопрос: технологии киберпространства просто дополняют наше восприятие мира или они коренным образом изменяют нас, наше воображение, духовность и человечество? Однако еще более интересный вопрос заключается не в том, изменяет ли нас эта технология, а в какой степени и где находится граница между использованием техники и модификацией, так как смартфоны, компьютеры и прочие электронные устройства уже изменяют модус нашего существования и без непосредственного внедрения в тело человека. Опосредованно технические устройства уже являются продолжением нашего тела, дополняя нашу телесность новыми измерениями. До сих пор популярно мнение, что Интернет меняет структуру нашего мозга, делая все более трудным поддержание глубины концентрации или мысли. Другие предположения звучат еще более радикально: пионер виртуальной реальности Джарон Ланье предупреждает, что наше сознание склонно к редуционистским обобщениям. Описанное редуционистское мышление можно частично заметить во взаимодействии человечества в интернет-пространстве социальных сетей. По оценке Ланье, если Интернет не будет ограничиваться, модерироваться, подвергаться какой-либо цензуре, наша духовность «совершит самоубийство», а сознание успешно «само исчезнет» [Lanier, 2010].

Конечно, техника и технологии никогда не бывают нейтральными; наши гаджеты воплощают и поощряют определенные способы воображения и жизни в мире. И все же, хотя Ланье сетует на то, что мы рискуем потерять самих себя, в его высказывании присутствует некоторая гиперболизация. Ведь вместе с модификацией наших возможностей взаимодействия с миром модифицируются и наши представления о нем, выходящие за границы традиционной аксиологии. При этом, несмотря на то что новые технологии открывают огромные возможности, у человеческого воображения и мышления остается ограничение: наши тела. Перспектива же полной киборгизации на данный момент остается слишком далекой. Даже в цифровом пространстве тело продолжает выступать пределом изменений, и мечты некоторых энтузиастов о преодолении этих ограничений оказываются просто фантазиями. Хотя люди могут пытаться преодолеть телесность, а технологии

могут модифицировать ее, нормы воплощения как часть нашей созидательной деятельности продолжают находить способы проявления.

Человеческий интеллект оказывается трудно отделимым от человеческого воплощения. Наша способность к рассуждению формируется с младенчества, при обучении пользоваться своим телом. Даже наши самые абстрактные цели можно в значительной степени рассматривать как сублимированные версии телесных целей [Embodied cognition, 2021]. Многие когнитивные паттерны и лингвистические формы восходят к метафорам восприятия и действия – от внутренних визуализаций, с помощью которых многие из нас представляют абстрактное знание, до пространственных отношений, неявно выраженных в таких местоимениях, как «над», «через», «сквозь» и т.д.

Здесь, с нашей точки зрения, ценный инструментарий для осмысления предоставляет вышеупомянутая концепция воплощенного сознания (в англоязычной литературе проблема телесности в принципе представлена дихотомией «embodiment – disembodiment»). Некоторые вариации воплощенного сознания вдохновлены работами таких феноменологов, как Мартин Хайдеггер, Эдмунд Гуссерль и Морис Мерло-Понти, они подчеркивают физическое воплощение сознательного когнитивного опыта людей. Эти мыслители анализируют различные способы, которыми тело человека формирует его мысли и то, как мы переживаем нашу сознательную деятельность. Некоторые даже утверждают, что сознание является результатом воплощения. Мерло-Понти, например, утверждает, что воплощено само сознание и, собственно, этому во многом посвящена его работа «Феноменология восприятия»:

«Поскольку, когда я размышляю о сущности субъективности, я нахожу ее связанной с сущностью тела и мира, это происходит потому, что мое существование как субъективности есть лишь одно с моим существованием как тела и с существованием мира и потому, что субъект, которым я являюсь, если взять его конкретно, неотделим от этого тела и этого мира» [Мерло-Понти, 1999].

Феноменологическое влияние можно ясно увидеть в когнитивном анализе отношений сознания и тела. Эти исследования опровергают идею о том, что мыслительный процесс фундаментально отличается и отделен от физического. Вдохновленные Гуссерлем и другими феноменологами, сторонники теории воплощенного сознания утверждают, что декартовский анализ разума и тела в корне неверно истолковывает познание [Gallagher, 2008]. Познание не является чисто или даже преимущественно интеллектуальным, солипсическим самоанализом, как предполагает декартовская традиция. Скорее, познание физически интерактивно, встроено в физические контексты и проявляется в физических телах. Даже современные философы и ученые-когнитивисты, отвергающие дуализм сознания и тела, могут попасть в ловушку, интуитивно рассматривая психическое и физическое как разные модусы существования. С точки зрения, которую предпочитают феноменологи, все сознание воплощено, интерактивно и встроено в динамически меняющуюся среду. Внима-

тельное рассмотрение того, как наши собственные сознательные переживания структурируются нашей телесностью и окружающей средой, показывает, что между сознанием и телом нет существенной разницы. Соответственно, взаимодействие человека с техникой и технологиями, модификация его тела также встраиваются в когнитивные функции, в структуру его восприятия и идентичности.

Все вышеперечисленное приводит к ключевой проблеме: а именно к сложности в разделении феноменов телесности и техничности, подобно противопоставлению сознания и тела. Очень точно об этом пишет антрополог С. Соколовский:

«Мы имеем довольно смутные представления о том, что такое тело и чем является техника, очевидно недостаточные, чтобы противопоставлять или сопрягать эти понятия. Союз “и”, который столь безыскусно соединяет в предложенном выше заглавии эти две обширные области философских и научных изысканий, уже утверждает вполне определенную онтологию, с которой не каждый исследователь будет готов согласиться. Предлагая рядоположенность этих двух обширных доменов нашего повседневного опыта, союз “и” исподволь внушает нам идею их эквивалентности, сопоставимости и, что особенно важно, их взаимной автономности, в то время как они могут оказаться отнюдь не эквивалентными, вовсе не сопоставимыми и совсем не автономными. Лишь здравый смысл с его привычкой рассматривать тело как организм с четкими границами, а технику как нечто телу вневещное, внушает нам подразумеваемую союзом “и” онтологию» [Соколовский, 2018].

Заключение

Возможно, телесность неотрывна и непротивопоставима формируемой современными технологиями среде, включаясь в общую человеческую или даже постчеловеческую онтологию. Таким образом, модифицированное тело человека превращается из создателя в продукт технологических процессов, результат длительной коэволюции.

Внедрение все новых и новых инноваций для модификации человека (биотехнологии, редактирование генома, бионика, нейрокибернетика и т.д.) стирает грань между органическим и искусственным и даже между реальным и виртуальным, производя сущности и субстраты, совмещающие естественное и синтетическое.

При этом следует отметить, что, несмотря на устрашающие прогнозы некоторых исследователей о потере человечности в результате модификации тела человека, сегодня все технологии так или иначе являются антропоцентричными, а их вид и функциональность находятся под доминирующим влиянием воплощенного человеческого сознания. Это подтверждается различными процессами: от специализированной разработки эргономичных интерфейсов до непосредственного заимствования механизмов из живой природы. Бионические руки-швейцарские ножи или усовер-

шенствованное зрение с функцией распознавания эмоций и пульса вряд ли радикально изменят человеческое сознание. Модификация человеческой телесности стимулирует эволюцию и модификацию человеческих представлений. Перед исследователями же стоит сложнейшая задача концептуализации этих быстро появляющихся и меняющихся технологических сборок.

При этом сложно переоценить ценность научной фантастики в осмыслении данных проблем. Примечательно, что большинство произведений, описывающих постгуманистическое будущее, особенно те, в которых прослеживаются аксиологические отношения, рассуждения о слиянии человека и машины или о будущем мироустройстве, остаются в значительной степени гуманистическими. Индивид обычно представлен в них как расширенная версия автономного либерального субъекта. Однако в равной степени он достигает трансформационную способность, которую доктор философии и литературоведения Кэри Вульф называет «постгуманистическим постгуманизмом» [Wolfe, 2009], переосмысливая не только свою субъектность как постчеловеческую, но и трансформируя сами категории, посредством которых она постижима.

Такие произведения, как «Солярис» (1961) Станислава Лема, «Комплект Ионы» (*The Jonah Kit*, 1975) Яна Уотсона и «Плюс» (1977) Джозефа Маклроя, иллюстрируют разные грани этой трансформации. В определенном смысле в данном жанре находит проявление этика ответственности немецко-американского философа-экзистенциалиста Ганса Йонаса (1903–1993).

Список литературы

1. Алиева Н.З., Некрасова Е.Г. Телесность человека в среде конвергентных технологий // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2013/5/384.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – Москва : Наука, 1999. – 602 с.
3. Соколовский С. Телесность и технологии в антропологическом контексте // Инновации в антропологии. – 2018. – № 5. – С. 5–24.
4. Степин В.С. Человеческое познание и культура. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2013. – 140 с.
5. Степин В.С. Цивилизация и культура. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. – 408 с.
6. Braidotti R. The posthuman. – Cambridge : Polity, 2013. – 229 p.
7. Bukatman S. Terminal identity : the virtual subject in postmodern science fiction. – Durham : Duke university press, 1993. – 426 p.
8. Embodied cognition // Stanford encyclopedia of philosophy. – Stanford (CA) : The metaphysics research lab of Stanford university, 2021. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/embodied-cognition/#Phen> (дата обращения: 03.09.2022).
9. Foster T. The souls of cyberfolk : posthumanism as vernacular theory. – Minneapolis (MN) : University of Minnesota press, 2005. – 312 p.
10. Gallagher S. Inference or interaction : social cognition without precursor // Philosophical explorations. – 2008. – Vol. 11, N 3. – P. 163–174.
11. Graham E.L. Representations of the post/human : monsters, aliens and others in popular culture. – New Brunswick : Manchester university press, 2002. – 259 p.
12. Haraway D. Simians, cyborgs and women : the reinvention of nature. – New York : Routledge, 1991. – 312 p.
13. Csicsery-Ronay I. jr. The seven beauties of science fiction. – Middleton (CT) : Wesleyan university press, 2012. – 225 p.
14. Lanier J. You are not a gadget : a manifesto. – New York : Knopf, 2010. – 129 p.
15. Turkle S. Alone together : why we expect more from technology and less from each other. – New York : Basic books, 2019. – 384 p.
16. Vint S. Science fiction and posthumanism // Genealogy of posthuman. – 2016. – 24.05. – URL: <https://criticalposthumanism.net/science-fiction/> (дата обращения: 15.09.2022).
17. Wolfe C. What is posthumanism? – Minneapolis (MN) : University of Minnesota press, 2009. – 357 p.

TRANSFORMATION OF VIEWPOINTS ON HUMAN CORPORALITY: FROM SCIENCE FICTION TO THEORY OF EMBODIED COGNITION

Vladimir Vetrov

Editor, Centre for Academic Research and Informational Studies on Science, Education and Technologies, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

***Abstract.** Modification of the human body is a phenomenon found at all stages of human history, but right now, due to the ever more accelerating technological risk, the human corporality is under the threat of irreversible change. In this paper, the impact of technology on the phenomenon of corporality is reviewed, a connection is made between posthumanistic views and the concept of embodied cognition. The author refers to a number of works of science fiction that form a relevant and representative narrative on a given issue. Corporeality is considered from the standpoint of the phenomenological approach; the thesis is formulated about the importance of considering the human body as a factor in building identity and subjectivity. “Dehumanization” as a result of body modification seems, according to the author, unlikely, because all enhancement technologies remain anthropocentric, being a continuation and result of centuries of interaction between man (his body) and technology.*

***Keywords:** human body modification; corporality; embodied cognition; sci-fi; posthumanism.*

***For citation:** Vetrov V.A. Transformation of viewpoints on human corporeality : from science fiction to theory of embodied cognition // Social novelties and social sciences. – 2022. – N 4. – P. 40–51.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2022.04.03